

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ФОН ГОСУДАРСТВА

Евгений СЕРМЯЖКО,
кандидат
педагогических наук,
профессор

О профессии учителя написано и сказано немало: она радостная и жизнеутверждающая, уникальная, благородная, творческая; учительское поприще устремлено в будущее; учитель осуществляет связь времен, он – звено в цепи поколений, создающее предпосылки для дальнейшего прогресса человечества; без учителя не было бы ни Шекспира, ни Коперника; учитель – солнечный луч для молодой души, источник, светоч, первый стимул интеллектуальной жизни. Учителями славится земля, а потому, призывает поэт А. Дементьев, «не смейте забывать учителей», которые помнят своих учеников и тревожатся о них, и счастье которых слагается из ученических побед.

ЗВЕНО В ЦЕПИ ПОКОЛЕНИЙ

Во всех этих словах много правды. Обобщая их, можно без особого преувеличения утверждать: судьба общества и государства – в руках педагогов. Именно от них, от их скромного и незаметного труда во многом зависит общий уровень развития и культура молодежи, характер мировоззрения и ее нравственные идеалы, подготовленность молодого поколения к жизни и труду.

Казалось бы, государство должно проявлять к этим столь важным и значимым для него людям максимум внимания, в первую очередь заботиться о них, поддерживать их материально и морально. Так оно и происходит, но, как правило, в критические или переходные времена, в периоды же стабильности о них забывают или вспоминают, как французы говорят, а rgoros (по поводу, кстати): по случаю съездов учителей, начала и окончания учебного года, а чаще всего – в связи с замечаемыми фактами невоспитанности молодежи, возрастанием детской преступности и другими негативными явлениями, главными виновниками которых всегда оказываются педагоги, их якобы упущения и их неэффективная воспитательная работа, которую необходимо оптимизировать, активизировать, совершенствовать. Prestиж профессии зависит от ряда факторов, в том числе и от красивых и правильных слов, но главными все же являются материальная обеспеченность людей,

занимающихся той или иной деятельностью, и их социальный статус – отношение общества и государства, возможность продвигаться к вершинам социальной лестницы (сделать карьеру в хорошем смысле этого слова). Эти две составляющие тесно взаимосвязаны: бедный, нищий профессионал может вызвать сочувствие и даже понимание, но авторитетом и образцом для подражания выступать не может, он не в состоянии успешно влиять на умы и мировоззрение других людей, и особенно молодежи.

В России и Беларуси учитель на лестнице профессий почти всегда занимал нижние ступеньки. О его бедственном, бесправном положении до революции написано достаточно (см.: Н.Г. Гарин-Михайловский, А.П. Чехов, Я. Колас и другие). Кратко и точно это положение охарактеризовал ныне уже не цитируемый Ленин. В проекте речи, подготовленной для выступления в Думе большевистского депутата, он в 1913 году писал о том, что народным учителям платят жалкие гроши, что они голодают и мерзнут в нетопленных и почти нежилых избах. «Народные учителя, – писал он далее, – живут вместе со скотом, который крестьяне зимой берут в избу. Народных учителей травит любой урядник... добровольный охранник и сыщик, не говоря уже о придирках и преследованиях со стороны начальства. Россия бедна, чтобы платить честным работникам народного просвещения, но Россия очень богата, чтобы кидать миллионы и десятки

миллионов на дворян-тунеядцев, на военные авантюры... нефтяным королям и тому подобное» [2, с. 623].

В трудные для советской страны времена В.И. Ленин большие надежды возлагал на учителей и обещал коренным образом изменить их тяжелое положение. К 1923 году относятся строки: «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это истина, не требующая доказательств. К этому положению мы должны идти...» [там же, с. 626].

И шли. Медленно, но шли.

В 1930–1950 годы, исключая военные и послевоенные, значительно улучшилось материальное положение наставника, возрос его авторитет в обществе. Именно в эти годы перед ним снимали шляпы и низко кланялись ему, люди в трудные для них минуты шли за советом и помощью прежде всего к учителю.

Никогда не имея привычки выставлять свое «я», здесь я решил сделать исключение, сославшись на свои личные наблюдения.

В вышеуказанные годы мой отец заведовал начальной сельской школой. Мать на государственной службе никогда не состояла, была домохозяйкой. У моих родителей было пятеро детей. Мы жили на одну зарплату отца. Нам все завидовали: мои братья, сестры и я были хорошо одеты и обуты, мы не голодали, в нашем доме всегда были даже сахар и чай. По нынешним меркам мы жили бедно, но для того времени наша семья считалась обеспеченной, богатой.

Отец был уважаемым человеком, к нему приходили люди не только за советом, но и просто для того, чтобы поговорить, пообщаться с умным собеседником – учителем! Всем своим детям, за исключением одного, мой отец за свою зарплату – наставника начальной школы! – обеспечил получение высшего образования.

Престиж профессии учителя начал падать примерно с середины 1950-х годов, к концу 1960-х он уже находился ниже критической отметки и продолжал снижаться.

Именно в те времена и появилось «мудрое» изречение: «Нет дороги – иди в педагога».

Для такого афоризма были все основания: 1) рабочий день учителя был самым длинным (10–12 часов); 2) возможностей для карьерного роста – никаких; 3) усиливалось административное давление на учителей (прежде всего они несли ответственность за невоспитанность молодежи, правонарушения и преступления подростков и юношей); 4) у представителей этой профессии отсутствовали перспективы на получение квартир; 5) педагоги занимали первые места по нервно-психическим и сердечно-сосудистым заболеваниям; 6) как и в дореволюционные годы, учителям, выражаясь словами В.И. Ленина, платили «жалкие гроши», они уже не голодали, но питались в основном дешевыми продуктами (картошка, капуста, огурцы и тому подобное).

Я в 1960-е годы, в отличие от своего отца, работал директором восьмилетней школы. Моя жена – учительницей (оба с высшим образованием). У нас было не пятеро, а двое детей. Имея две учительские зарплаты, мы с трудом сводили концы с концами. Наши мысли были сосредоточены не столько на педагогических проблемах, сколько на вопросах, связанных с материальным обеспечением семьи. Как и почти все сельские учителя, мы вынуждены были заниматься разведением кур, свиней, так как вознаграждения за выполнение непосредственных трудовых обязанностей едва хватало на самое необходимое.

И на этом фоне в 1968 году на Всесоюзном съезде учителей Л. Брежнев говорил: «Учитель осуществляет связь времен, он – звено в цепи поколений»; «учителя – гордость нашего народа»; «благородный труд учителя пользуется искренним уважением и признательностью всего советского народа»; «в ряду замечательных подвигов народа стоит труд учителя»; «учительство представляет собой ведущий отряд сельской интеллигенции»; «забота о школе, создании благоприятных условий для работы учителя и впредь будет стоять

СЕРМЯЖКО

Евгений Иванович.

Родился в 1934 году в деревне Пружанка Березинского района (Минская область). В 1957 году окончил Полоцкий государственный пединститут, в 1965-м – аспирантуру при Минском государственном педагогическом институте им. А.М. Горького. Трудовую деятельность начинал учителем Жодишской средней школы Сморгонского района. В дальнейшем работал в различных учреждениях образования, в том числе в Гродненском государственном педагогическом институте имени Я. Купалы, заведовал кафедрой педагогики Могилевского государственного педагогического института имени А. Кулешова. В настоящее время – профессор этой кафедры. Кандидат педагогических наук, профессор, член-корреспондент Белорусской Академии образования. Имеет почетное звание «Отличник народного образования». Сфера научных интересов: проблемы семейного воспитания, белорусская народная педагогика, проблемы подготовки педагогических кадров. Автор более чем 130 работ, в том числе ряда монографий.

в центре внимания партийных организаций»; «для учителя должны быть всегда открыты двери и к представителю советской власти, и к председателю колхоза, и в партийный или комсомольский комитет» и так далее [4, с. 10–25].

Было очевидно, что распад СССР произошел в том числе по причине неэффективной воспитательной политики коммунистической партии, отхода от заботы об учителе, о подготовке его к действительно высокому званию и, что не менее важно, – о его материальном положении.

При этом были преданы забвению не только слова В.И. Ленина, но и основоположника научной педагогики Я.А. Коменского, утверждавшего, что учителю «вручена превосходная должность, выше которой ничего не может быть под солнцем» [1, с. 600], и великого русского педагога К.Д. Ушинского, писавшего: «Дело учителя, скромное по наружности, – одно из величайших дел истории... на этом деле зиждутся царства и им живут целые поколения» [5, с. 255].

Одна из моих дочерей – учительница высшей категории. Ее рабочий день – 8–9 часов (с проверкой тетрадей и подготовкой к урокам). Как и в ряде других городов и районов страны, для преодоления детской преступности предлагается удлинить ее рабочий день еще на 2–3 часа. Очевидно, расчет делается на то, что дети, отдохнув после уроков, пойдут не на улицу, а опять возвратятся в школу для занятий там полезными делами в кружках, в компьютерных классах и так далее, то есть будут находиться под постоянным и бдительным оком педагогов. У моей дочери один ребенок. Зарплаты хватает на питание, недорогую одежду и оплату за жилищно-коммунальные услуги. Сбережений никаких. Выделяемых денег на приобретение необходимой для профессионального роста психолого-педагогической и методической литературы крайне мало. Но главное, что беспокоит мою дочь, – это будущее ребенка: сможет ли она обеспечить ему получение высшего образования?

Кажется, так и закончится педагогическая династия с семидесятилетней историей... Внучка не хочет повторить путь своей матери, выбрав ту же профессию.

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРЕСТИЖА

Неудивительно, что сочетание красивых слов и ничегонеделания негативно сказались и продолжают сказываться на качестве педагогических кадров. Хотя по количественным, формальным признакам здесь все обстоит более или менее благополучно: в поздние советские времена – 60–80-е годы минувшего столетия – и сейчас более восьмидесяти процентов учителей имели и имеют высшее педагогическое образование.

Уже в 1960-е годы преподаватели педвузов обнаружили, что их студенты не проявляют никакого интереса к педагогике, к возрастной и педагогической психологии и что большинство из них не связывает свое будущее с учительской деятельностью, то есть не планирует работать в школе. Изучение мотивов выбора педвуза показало, что многие студенты выбрали его не потому, что любили детей и хотели работать с ними, а потому, что интересовались литературой, историей, математикой и тому подобным. Выявилось далее, что уровень их школьной подготовки по любимым ими наукам (предметам) оставлял желать лучшего, из чего следовало, что в педвузы поступали не лучшие по успеваемости выпускники школ.

Было очевидно, что педвузам необходимо предпринимать какие-то меры для совершенствования своей работы по подготовке учителей-воспитателей. Чтобы решить эти задачи, предлагалось:

- 1) педагогическим коллективам школ в профориентационной работе обратить особое внимание на подготовку старшеклассников к выбору ими профессии учителя: открывать в школах педагогические классы, вводить факультатив «Основы учительской профессии» и так далее;
- 2) перед или в процессе вступительных экзаменов в педвузы тестировать абитуриентов с целью выявления мотивов выбора

ими профессии учителя и их педагогических способностей, учитывать результаты тестирования при конкурсном отборе;

3) организовать непрерывную, без отрыва от учебных занятий, педагогическую практику студентов младших курсов (1–3-е курсы);

4) ввести годичную стажировку для молодых специалистов, окончивших высшие педагогические учебные заведения.

Все эти и другие рекомендации не оправдали надежд их авторов. Первые два из вышперечисленных предложений не были реализованы, потому что лишь немногие старшеклассники проявили интерес к профессии учителя и изъявили желание углубиться в ее специфику и тайны, да и педагогические коллективы не выразили особого желания ориентировать учащихся на выбор своей непрестижной профессии. А предлагаемое тестирование педагогических способностей абитуриентов вообще противоречило правилам приема в вузы, к тому же отсутствовало главное условие – наличие достаточного количества претендентов для выявления достойных.

Стажировка выпускников педвуза и непрерывная педагогическая практика студентов были введены в середине 1970-х годов. Однако (и к сожалению) первая просуществовала недолго, лет десять, вторая несколько дольше – до середины 1990-х годов. Это случилось потому, что, во-первых, данные практики организовывались на общественных началах, во-вторых, никто в них не был заинтересован и они носили формальный характер: результаты их нигде не учитывались и никто (ни преподаватели педвуза, ни школьные работники) за них не отвечал.

С переходом на рыночные отношения и в связи с преобразованием педагогических институтов в классические университеты положение дел с набором молодежи на педагогические специальности и подготовкой ее к учительской и воспитательской деятельности еще более ухудшилось. И в советские времена самыми престижными были профессии юриста, экономиста, журналиста и прочие. Но получить их было трудно из-за больших конкурсов в вузы,

готовивших этих специалистов (спрос на них тогда был меньшим, чем сейчас), а также потому, что эти учебные заведения находились в столичных или крупных городах. Риск не поступить в них, даже для выпускников школ с хорошими баллами и медалистов, был слишком велик. Некоторые, прежде всего с не определенными профессиональными интересами, предпочитали более надежный путь в педагогические институты. Таких было много (в каждом областном центре), и конкурсы в них были не очень велики. Как правило, эти лучшие выпускники школ выбирали самый тогда престижный в пединститутах исторический факультет: большинство выпускников его устраивалось на работу в партийные и советские органы, становились руководящими комсомольскими работниками.

Сейчас не надо ехать далеко: престижные профессии юриста, экономиста и так далее можно получить недалеко от родного дома – в областных классических университетах и филиалах негосударственных вузов. Дело же с непрестижной профессией учителя осложнилось. Как уже отмечалось, грамотность и общий уровень подготовки молодежи, избирающей эту профессию, и в поздние советские годы вызывал беспокойство и тревогу, однако таким низким, как сегодня, он никогда не был.

Один пример (их можно привести множество). В контрольных работах по педагогике студенты первого курса одного из факультетов Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова (будущие учителя) пишут: «если ученик нарушает дисциплину, его следует выгнуть

с урока»; «ученик пошряется за какие небудь достижения»; «метод обучения взаимно связанное взаимодействие»; «лучше не обращать внимания»; «рассказ на этическую тему»; «органы самоуправления в коллективе»; «преподаватель»; «директор школы»; «познавательная деятельность учащихся»; «учебные дискуссии» и т. д.

Благо, что большинство из этих студентов после окончания университета не намерено заниматься учительской деятельностью, потому что, как они пишут в анкете, «есть более высоко оплачиваемые специальности»; «труд учителя оплачивается не достойно»; «нет перспективы»; «мало оплачиваемая работа при большой нагрузке»; «нехочу» и т. д.

К счастью, всегда были, есть и будут молодые люди, преследующие высокие цели, целиком отдающие себя любимому делу, самоотверженные, для которых материальные выгоды, карьера, слава и почет, престижность или непрестижность профессий не имеют особого значения. Их называют подвижниками. Встречаются они и среди тех, кто выбирает профессию учителя. На вопрос: «Намерены ли Вы после окончания университета работать в школе?» – студенты того же факультета МГУ им. А.А. Кулешова ответили «да», потому что, писали они в анкете, «хочу учить детей, давать им самое лучшее»; «мне нравится общаться с детьми»; «хочу научить детей и других людей, которые нуждаются в чем-нибудь (совете, помощи)»; «работа с детьми – это интересно»; «люблю работу с детьми».

В советские времена таких студентов-подвижников первого курса было около тридцати процентов, сейчас – не более двадцати. За время обучения в педвузе удавалось увеличивать число педагогически ориентированных студентов еще на десять процентов. В условиях же классических университетов сделать это невозможно. С уверенностью можно утверждать, что за годы обучения в них количество студентов, избравших профессию учителя, даже сократится. Основанием для такого предположения является идущий в классических университетах процесс депедагогизации учебно-воспитательной среды,

выветривание из их стен педагогического духа. Это выражается в том, что:

- изменяется статус кафедры педагогики: из ведущей в педвузе она становится второстепенной; уменьшается количество часов на педагогические дисциплины;
- сокращаются сроки педагогической практики; отменяются дипломные работы и государственный экзамен по педагогике; студенты педагогических специальностей ощущают себя людьми второго сорта, испытывают чувство неполноценности: студенты престижных факультетов относятся к будущим учителям как к неудачникам, людям, не имеющим перспектив. Процесс депедагогизации среды классических университетов является странным и удивительным, если учесть, что для большинства их выпускников главная дорога – это дорога в школу и в другие учреждения образования, то есть в педагоги.

***

...Все начинается с учителя. От него зависит интеллектуальный фон государства, уровень знаний молодежи и населения, который, в свою очередь, определяет состояние науки, экономики, культуры, в конечном итоге – благосостояние народа. Общества, не осознающие этого, не проявляющие должной заботы об учителе, не могут быть ни сильными, ни богатыми. В одной из развитых стран мира – Японии – принят закон, согласно которому учителя должны входить в число наиболее оплачиваемых работников. Средняя зарплата учителя там в 2,4 раза превышает среднюю по стране. В республиках бывшего СССР заработная плата работников образования составляет 36–65% от уровня оплаты труда в промышленности: в Армении, Кыргызстане, Молдове – 36–42%, в Казахстане, России, Узбекистане – 44–48%, в Беларуси – 59%, в Украине – 65% [6]. Депутатам парламента следовало бы помнить и слова Аристотеля о том, что «законодатель должен относиться с исключительным вниманием к воспитанию молодежи (и, следовательно, к учителю-воспитателю. – Авт.), так как в тех государствах, где этот предмет находится в пренебрежении, и самый государственный строй терпит от того ущерб» [3, с. 35]. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Коменский, Я.А. Избранные педагогические сочинения. – М.: Учпедгиз, 1955.
2. Хрестоматия по педагогике для педагогических училищ. М.: Просвещение, 1967.
3. Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. – М.: Просвещение, 1971.
4. Хрестоматия по педагогике. – Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1972.
5. Хрестоматия по истории школы и педагогике в России. – М.: Просвещение, 1974.
6. <http://www.tzizway.com/art/cards/2.html>.

